

A digital illustration of a man and a pregnant woman. The man, on the right, has short, styled brown hair, blue eyes, and a light beard. He is wearing a dark grey suit jacket over a dark blue shirt. The woman, on the left, has blonde hair styled up and green eyes. She is wearing a light-colored, patterned dress and is visibly pregnant. They are standing in front of a large, light blue mansion with white architectural details and a balcony. The scene is set in a lush garden with greenery and a path.

**ЕЛЕНА
РАХМАНИНА**

Мы -
НЕ ТВОИ РОДНЫЕ

Елена Рахманина

Мы – не твои родные

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72284731

SelfPub; 2025

Аннотация

– Ты точно уверена, что этот ребёнок от Антона, а не от кого-то другого? – спросил меня Ярослав Воронцов, старший брат моего погибшего парня.

Я смотрела в его холодные, как айсберг, глаза и ощущала, как его слова убивают меня не меньше, чем известие о гибели Антона.

– Конечно, это его ребёнок, – ответила я, не понимая, с какой стати он разговаривает со мной, словно с гулящей девкой.

– Если тест подтвердит это, мы заберём у тебя ребёнка. После рождения он будет жить с нами, получит лучшее образование и возможности. Тебе будет выплачена значительная компенсация. И ты сможешь... изредка видаться с ним, если захочешь.

– Нет, – невольно кладу руку в защитном жесте на совершенно плоский живот, – я никогда не соглашусь на эту сделку.

Я не собиралась идти на поводу у Воронцова. Но обстоятельства сталкивали нас друг с другом.

И каждый раз меня всё сильнее тревожил вопрос, почему Ярослав так смотрит на меня, что у меня кожа покрывается мурашками?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	34
Глава 5	39
Глава 6	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Елена Рахманина

Мы – не твои родные

Глава 1

Майя

Я стояла у могилы, и слезы, которые так старательно сдерживала с момента отпевания в храме, теперь беспрепятственно текли по щекам. Внутри расплзалась пустота – тёмная и холодная, как ветер, гуляющий между надгробиями.

Я знала, что вскоре на могильной плите появится надпись: «Антон Михайлович Воронцов. 2003-2025. Любимый сын и брат». А сейчас я со скорбью смотрела на опущенный в землю деревянный крест, пытаюсь осознать размер своей потери.

Ему было всего двадцать два года. Вся жизнь впереди. Утрата, оставившая зияющую дыру в моей груди. Невосполнимую.

На этой надписи не появится слово «отец» или «возлюбленный». Для его родственников меня попросту не существовало. Отчасти я понимала их. Что такое моя боль по сравнению с тем, что испытывает его мать? Но всё же я не могла вздохнуть полной грудью, ощущая, как невидимая могильная плита, на которой пока не выгравированы годы жиз-

ни моего любимого, давит мне на сердце.

Я не была приглашена на траурную церемонию. Его мать, должно быть, едва ли знала, как меня зовут. А его брат, вероятно, вообще не подозревал о моём существовании. Для них Антон был только «любимым сыном и братом», а я – случайным эпизодом в его короткой жизни.

Я обхватила себя руками, чувствуя подступающую тошноту, ставшую моей постоянной спутницей в последние дни. Утреннее недомогание, беспощадно настигающее меня в самые неподходящие моменты. Кто бы мог подумать, что наш роман с наследником одной из богатейших семей города закончится вот так – на кладбище, с ребенком под сердцем, о котором я едва успела сообщить его отцу.

– Ты в порядке? – мягкий голос Вики вернул меня к реальности.

Погребение заканчивалось. Большинство присутствующих – люди в дорогих костюмах, с сдержанными выражениями лиц, которые, казалось, пришли сюда скорее по обязанности, чем по зову сердца – уже спешили разойтись. Вероятно, деловые партнеры и далекие знакомые семьи, не знавшие Антона по-настоящему. Только семья – статная женщина средних лет с безупречно прямой спиной, очевидно мать Антона, и высокий темноволосый мужчина, державшийся чуть поодаль – остались у могилы.

– Да, – тихо ответила я, хотя это была очевидная ложь. – Пойдем отсюда.

Я была благодарна Вике за поддержку. Мы дружили с первого курса, вместе преодолевали все трудности учебы на медицинском факультете. Она и Антон тоже были знакомы – все мы учились в одном университете, хоть и на разных факультетах. Именно на университетском празднике полгода назад я и познакомилась с Антоном. Но сегодня Вика оказалась единственным близким человеком среди всех присутствующих.

Я развернулась, чтобы уйти, но внезапно почувствовала на себе пристальный взгляд. Подняв голову, я встретилась глазами с тем высоким мужчиной, стоявшим рядом с матерью Антона. Холодный, оценивающий взгляд ледяных голубых глаз заставил меня вздрогнуть. В нем не было ни тепла, ни сочувствия – лишь ледяное презрение и что-то еще, чего я не могла распознать. Этот взгляд словно пригвоздил меня к месту.

– Кто это? – шепотом спросила я у Вики, наконец найдя силы отвести глаза.

– Ты не знаешь? – удивилась подруга. – Это Ярослав Воронцов, старший брат Антона. Говорят, последние годы он единолично управляет всем семейным бизнесом.

Я снова украдкой взглянула на него. Теперь я заметила семейное сходство – те же темные волосы, резкие черты лица, прямой нос, высокие скулы. Но если Антон всегда светился энергией и весельем, его брат казался высеченным из льда. Его мускулистая фигура, обтянутая безупречным чер-

ным костюмом, излучала силу и властность.

– Пойдем, – повторила я, ощущая себя все более неуютно под этим пронизывающим взглядом.

Но не успели мы сделать и нескольких шагов, как раздался властный женский голос:

– Подождите!

Елена Михайловна Воронцова быстро приближалась к нам. Её идеальная осанка и гордо поднятая голова не выдавали той скорби, которую должна была испытывать женщина, потерявшая сына. Только глаза, покрасневшие и сухие, говорили о бессонных ночах.

– Вы ведь та самая девушка? – спросила она без предисловий, окидывая меня оценивающим взглядом. – Майя, верно? Антон рассказывал о вас.

Надо же, всё-таки ей известно моё имя.

– Да, – я нервно сглотнула. – Мне очень жаль...

– Нам нужно поговорить, – перебила она меня. – Не здесь. Приходите завтра к нам домой в три часа дня.

Это прозвучало не как вопрос, а как приказ. Женщина протянула визитную карточку с адресом и, не дожидаясь ответа, развернулась и пошла обратно к могиле. Ярослав всё это время наблюдал за нами, не двигаясь с места, выражение его лица оставалось непроницаемым.

– Что ты будешь делать? – спросила Вика, когда мы наконец покинули кладбище.

Я посмотрела на визитку в своей руке, ощущая тяжесть

решения, которое мне предстояло принять.

– Пойду, – решительно ответила я. – У меня нет выбора. Они имеют право знать.

Ярослав

Я стоял у окна просторного кабинета в семейном особняке и смотрел на подъездную аллею, ожидая её появления. Вчера на кладбище я наконец увидел ту, из-за кого мой младший брат пошел наперекор всей семье. И, к своему удивлению, почувствовал не только ожидаемое презрение, но и непрошенный укол интереса.

Она была полной противоположностью женщинам, с которыми обычно встречался Антон – не гламурная модель с подиумов Парижа, а хрупкая, бледная девушка с естественной красотой и какой-то необъяснимой уязвимостью, тронувшей что-то в глубине моей души.

Светлые волосы, зеленые глаза – заплаканные и всё равно удивительно ясные. Одним словом, обычная. Таких тысячи. Что в ней нашел Антон?

И почему я не мог выбросить из головы её образ с тех пор, как увидел на кладбище?

«Охотница за состоянием, как и все остальные», – мысленно одернул я себя, стискивая челюсти. За тридцать два года я повидал достаточно молодых женщин, мечтающих о богатом муже. Наверняка эта Майя из того же теста – только лучше других умеет играть роль невинной девушки.

Мои размышления прервал звук подъезжающего такси. Из машины вышла она – в простом светло-сером платье, с собранными в хвост волосами, без малейшего намека на макияж. Она выглядела ещё моложе, чем вчера, и я почувствовал новый приступ раздражения. Сколько ей, двадцать? Десять? Антону было всего двадцать два. Что они вообще знали о жизни?

– Ярослав, – голос матери из дверей кабинета заставил меня отвернуться от окна, – она приехала.

– Я вижу, – сухо ответил я, расправляя плечи.

– Я хочу, чтобы ты вёл разговор, – мать выглядела утомленной, но сохраняла свою обычную собранность. – Мне нужна твоя оценка.

– Моя оценка уже готова, – усмехнулся я. – Очередная девица, положившая глаз на наши деньги. Таким, как она, нужен только счет в банке, а не человек рядом.

– Возможно, – не стала спорить мать. – Но есть кое-что, что ты должен знать. Антон сказал мне перед... перед аварией, что она беременна.

Я замер, затем медленно повернулся к матери:

– Что?

– Он пришел ко мне, заявил, что она беременна и что он собирается жениться на ней, – голос матери дрогнул. – Мы поссорились. Я сказала, что не допущу этого брака, что она наверняка обманывает его ради денег. Он уехал в ярости. А через два часа мне позвонили из больницы...

Она не закончила фразу. Не нужно было.

До этого момента мне было неизвестно, что послужило причиной аварии, в которой погиб младший брат. Открывшаяся правда отозвалась острой болью в сердце.

– И ты веришь, что она действительно беременна? – скептически спросил я, не позволяя эмоциям прорваться сквозь выработанный годами практики самоконтроль. – Это может оказаться уловкой.

– Мы выясним, – твёрдо сказала мать. – Если это правда, её ребенок – всё, что осталось от Антона.

В её глазах я заметил то, чего не видел уже давно – надежду. Она отчаянно цеплялась за мысль о том, что частичка Антона может жить в этом ещё не рожденном ребенке. Эта надежда одновременно настораживала и раздражала меня.

– Если это ребенок Антона, – добавил я, выделяя каждое слово. – Откуда нам знать, что она не была с кем-то ещё? Шесть месяцев отношений – это не так уж и много, тем более с таким, как Антон. Он не был образцом постоянства, и она могла вести себя так же.

– Ты очень циничен, Ярослав, – в голосе матери слышался упрек, но и тень сомнения тоже присутствовала.

Я понимал её. После смерти отца пять лет назад Антон стал центром её жизни. Теперь, потеряв и его, она цеплялась за любую возможность сохранить хоть частицу сына. Даже если происхождение этой частицы вызывало вопросы.

– Чего ты хочешь от меня? – спросил я, невольно сжимая

кулаки.

– Я хочу, чтобы ты поговорил с ней. Оценил, что она за человек, – ответила мать. – И если она действительно беременна, предложил ей сделку. Мы обеспечим её и ребенка материально, а она передаст нам права на воспитание наследника Воронцовых.

Я напрягся. Типичная сделка в наших кругах. Деньги для непутёвой матери в обмен на ребёнка. Я слышал о подобном не раз от своих друзей. Глупых, легковых мужчин, которых разводили на деньги девицы с низкой социальной ответственностью, вовремя забеременевшие.

Домработница доложила о прибытии гостыи, и мать кивнула:

– Проводите её в малую гостиную. Мы сейчас подойдем.

Глава 2

Майя

Когда Воронцовы вошли в гостиную, я стояла у окна, разглядывая удивительно красивый сад. Услышав шаги, я обернулась и почувствовала, как напряглись плечи при виде Ярослава. Вблизи он казался еще более внушительным – высокий, атлетически сложенный, с пронзительными голубыми глазами, от которых, казалось, невозможно ничего скрыть.

– Здравствуйте, – тихо сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Спасибо, что пригласили меня.

– Присаживайтесь, Майя, – Елена Михайловна указала на кресло, обитое бледно-голубым шелком. – Полагаю, вы уже видели моего старшего сына, Ярослава.

Я кивнула, избегая встречаться с ним взглядом. Опустилась в кресло, выпрямив спину и сложив руки на коленях. Несмотря на очевидную нервозность, я старалась держаться с достоинством. Хотя роскошная обстановка, напоминавшая залы Эрмитажа, с антикварной мебелью и картинами в тяжелых позолоченных рамах, заставляла чувствовать себя не в своей тарелке.

– Не буду ходить вокруг да около, – начала Елена Михайловна, сев напротив меня в такое же кресло. – Перед смертью Антон сказал мне, что вы беременны. Это правда?

Я на мгновение закрыла глаза. Перед смертью. Эти слова,

произнесенные вслух, вонзились в сердце, как осколки льда. Значит, он всё же решился поговорить с матерью. Вспомнилось, как Антон обещал всё уладить, говорил, что его семья примет нас. «Мама немного поворчит, но в конце концов сдастся, ей важно моё счастье». Теперь я понимала, насколько он ошибался.

– Да, это правда, – собравшись с силами, ответила я. – Срок небольшой, всего пять недель. Я узнала за пару дней до... до аварии.

– И каковы ваши планы? – спросила Елена Михайловна, внимательно наблюдая за мной.

– Я собираюсь оставить ребенка, – твердо ответила я. – Понимаю, что это неожиданность для вас, и не претендую ни на что. Просто считала, что вы должны знать о существовании внука или внучки.

– Не претендуете? – раздался резкий голос Ярослава, который до этого стоял молча, скрестив руки на груди. – Вы хотите сказать, что не рассчитываете на финансовую поддержку нашей семьи?

Я подняла глаза и наконец встретилась с его пронзительным взглядом, от которого внутренности будто покрылись коркой льда. Но одновременно внутри вспыхнул гнев – чистый, обжигающий, придающий мне сил.

– Я пришла сюда не за деньгами, – холодно ответила я. – Если вы думаете, что я спланировала эту беременность, чтобы получить доступ к вашему состоянию, то глубоко ошиба-

етесь. Я любила Антона.

– Вы были знакомы шесть месяцев, – парировал Ярослав, и я заметила, как желваки заиграли на его скулах. – И откуда нам знать, что ребенок действительно от моего брата?

На мгновение я потеряла дар речи от такого прямого оскорбления. Будто я не студентка медицинского, а девица, подцепившая случайного парня в ночном клубе. Не говорить же им, что Антон был у меня первым. И что я просила его предохраняться, но он убеждал, что любит меня до безумия, а презерватив лишь помешает удовольствию.

– Как вы смеете? – мой голос дрожал от возмущения и обиды. – Я не изменяла Антону. И он знал, что я беременна от него.

– Достаточно, Ярослав, – вмешалась Елена Михайловна, хотя по ее глазам я видела, что сомнение, посеянное сыном, укоренилось и в ней. – Майя, я понимаю ваши чувства. Но давайте посмотрим на ситуацию реалистично. Вы студентка, живете в общежитии, где-то подрабатываете. Как вы собираетесь растить ребенка в таких условиях?

– Я справлюсь, – упрямо ответила я, хотя сама не до конца верила в это. – У меня есть время подготовиться. К тому же, я работаю, и смогу накопить денег.

Ярослав

Я наблюдал за ней, пытаясь разгадать, что скрывается за этим упрямством и показной гордостью. Не удивлюсь, узнав, что она выслеживала брата для того, чтобы познакомиться с

ним. А теперь изображает из себя алтайскую девственницу. И всё же, глядя в её прозрачные, как горный ручей глаза, я не мог не отметить, что она превосходная актриса. На Бродвее ей бы аплодировали стоя. А здесь, в элитном коттеджном посёлке "Удача" мало кого удивит своей лживой натурой.

– Майя, – голос матери стал мягче, почти вкрадчивым, – я хочу предложить вам сделку. Ребенок, которого вы носите – всё, что у нас осталось от Антона.

– Если этот ребенок действительно от Антона, а не от какого-то случайного ухажёра, – перебил я мать, решив не ходить вокруг да около, – перебил я мать, решив не ходить вокруг да около, – то мы забираем его. После рождения он будет жить с нами, воспитываться как Воронцов, получит лучшее образование и возможности. Вам будет выплачена значительная компенсация. И вы сможете... изредка видеться с ним, если захотите.

Лицо Майи побледнело еще сильнее, став почти прозрачным, как фарфор.

– Нет, – она покачала головой с такой решимостью, что меня это почти восхитило. – Это невозможно. Я не отдам своего ребенка.

– Поймите, – я подошел ближе, намеренно нависая над ней, используя свой рост как преимущество, – вы не в том положении, чтобы диктовать условия. Мы можем сделать всё по-хорошему, или...

– Или что? – зеленые глаза Майи вспыхнули гневом, несмотря на страх, который я видел в глубине её зрачков.

– Или мы пойдём в суд, – жестко сказал я. – С нашими связями и возможностями мы легко добьемся лишения вас родительских прав. Одинокaя студентка, без жилья, без стабильного дохода, возможно, с психиатрическими проблемами...

– У меня нет никаких психиатрических проблем! – возмутилась Майя, вскочив с кресла.

– Сейчас нет, – я холодно улыбнулся, чувствуя странное удовлетворение от того, как легко удалось пробить её показное спокойствие. – Но кто знает, что обнаружит врачебная комиссия? Депрессия после гибели отца ребенка? Послеродовая депрессия? Биполярное расстройство, в конце концов. Существует множество диагнозов, которые можно найти, если хорошо искать.

Я видел, как она вздрогнула, словно от удара, и почувствовал неожиданный укол совести. На миг передо мной предстала не расчетливая охотница за деньгами, а просто испуганная девушка, потерявшая любимого человека и теперь защищающая своего нерожденного ребенка как львица. Но я быстро подавил этот момент слабости.

Этот ребенок – мой племянник. И его место здесь, в нашей семье, а не в какой-то общежитской комнате с девицей, которая и о себе-то позаботиться не в состоянии. Судя по её бледному лицу и тощей фигурке, она сама едва держится на ногах. Как такая справится с младенцем? К тому же, я не сомневался, что она быстро найдёт замену Антону. Она слиш-

ком привлекательна, чтобы долго оставаться одной. И тогда какой-то посторонний мужчина будет воспитывать ребёнка моего брата? Недопустимо.

– Вы не можете так поступить, – голос Майи дрожал, в глазах заблестели слезы, которые она отчаянно пыталась сдерживать. – Это... бесчеловечно.

– Это хорошая сделка для вас, – отрезал я. – И в ваших интересах принять наше предложение. Два миллиона долларов – это больше, чем вы заработаете за всю свою жизнь. С этими деньгами вы сможете закончить образование, купить квартиру, помочь своей семье. Начать новую жизнь. И забыть про нас.

– Без моего ребенка? – слезы теперь свободно текли по ее щекам, но в голосе слышалась сталь. – Никогда.

Я не понимал ее упрямства. Ожидал, что как только озвучу сумму, в её глазах загорится алчный интерес. Но ничего подобного не увидел – лишь решимость и что-то еще, напоминавшее презрение.

Может, эта хитрая девица рассчитывает оттяпать куш побольше?

– Вы не оставляете нам выбора, – сказал я, стараясь придать себе расслабленный вид, хотя начинал потихоньку закипать. – Не думайте, что сможете бороться с нашей семьей и победить. Я лично раздавлю вас, как муху.

– Ярослав, достаточно, – мать положила руку мне на плечо, и я ощутил, как её пальцы впились в мою кожу через

ткань пиджака. – Майя, прошу вас, подумайте еще раз. Ради ребенка.

– Я и думаю о ребенке, – Майя, всё ещё стоя, сделала шаг к выходу. Её ноги заметно дрожали. – Он нуждается в своей матери. А не в людях, у которых ни души, ни сердца!

Она сделала несколько неуверенных шагов к двери, но вдруг покачнулась, прижала руку ко лбу. Её губы что-то беззвучно прошептали, и она начала падать.

Я бросился вперед, едва успев подхватить её прежде, чем она ударилась бы головой о мраморный постамент с антикварной вазой из коллекции матери. Её тело показалось неожиданно лёгким, почти невесомым в моих руках.

– Вызывай скорую! – крикнул я матери, опуская Майю на диван. – Быстро!

Я проверил пульс – слабый, но ровный. Она просто потеряла сознание. Или у неё проблемы со здоровьем. Я перегнул палку. Как бы я ни относился к этой девушке, она носит ребенка Антона. И если с малышом что-то случится из-за моего давления... этого я себе не прощу.

– Что с ней? – подошла мать, её лицо, обычно бесстрастное, теперь выражало явное беспокойство.

– Обморок, – ответил я, расстегивая верхнюю пуговицу на платье Майи, чтобы ей было легче дышать. – Наверное, я перегнул палку. Скорая уже едет?

– Да, будет через пятнадцать минут, – кивнула мать. – Мы слишком давили на нее.

Я не ответил. Смотрел на бледное лицо Майи, на светлые ресницы, отбрасывающие тени на щеки, на приоткрытые губы, и чувствовал странное волнение. Не из-за неё, конечно. Из-за ребёнка Антона.

Эта девушка оказалась более упрямой, чем я ожидал. Большинство на её месте уже согласились бы на наши условия, подскочив от радости при упоминании денег. Но она... она вела себя иначе. Либо она действительно хорошая актриса, разыгрывающая благородство, чтобы выбить более выгодные условия, либо... нет, не может быть, чтобы она отказывалась от таких денег из-за каких-то принципов. Я слишком хорошо знал человеческую природу – в жизни всё имеет свою цену. И мне ещё предстояло выяснить цену этой Майи.

К моменту приезда скорой Майя уже очнулась, но была слаба и дезориентирована. Медики настояли на госпитализации – для обследования и наблюдения. Особенно учитывая беременность. Когда её выносили на носилках, она бросила на меня последний взгляд. В нём не было ни страха, ни мольбы – только холодная решимость, которая странным образом вызвала во мне что-то похожее на уважение.

Что ж, если она хочет войны, она её получит. Я не привык проигрывать. И я сделаю всё, чтобы так и было, даже если для этого придется сломать упрямство этой зеленоглазой девчонки.

Дорогие читательницы, если вам нравится новая история, поддержите, пожалуйста, комментариями и лайками.

Глава 3

Майя

Белый потолок плыл перед глазами. Люминесцентные лампы больно резали глаза, заставляя щуриться. Запах антисептика, такой знакомый по практике в клинике, теперь казался чужим и враждебным. Я медленно приходила в себя в больничной палате, пытаюсь вспомнить, как здесь оказалась.

Последнее, что отложилось в памяти – жесткий и циничный взгляд голубых глаз Ярослава Воронцова, его слова о том, что ребенок может быть не от Антона, и подступающая темнота... Я потеряла сознание в их доме, в их проклятой гостиной, похожей на музей.

И они, как восковые фигуры мадам Тюссо. Он – Дэвид Ганди. Она – королева-консорт Камилла.

Чтоб их моль пожрала!

– Очнулась? – к кровати подошла медсестра средних лет с доброжелательным лицом. – Как себя чувствуешь?

– Нормально, – автоматически ответила я, хотя голова всё еще кружилась. – Что со мной случилось?

– Обморок на фоне резкого падения давления, – пояснила медсестра, проверяя капельницу у моей кровати. – Ничего страшного для тебя, но в твоём положении нужно быть осторожнее. Доктор скоро подойдет.

В моем положении. Значит, они уже знали о беременно-

сти. Конечно, анализы при поступлении.

– Как долго я здесь? – спросила я, пытаясь сесть.

– Не торопись, – медсестра мягко придержала меня за плечо, и подняла выше подушку, помогая удобнее устроиться. – Ты поступила вчера вечером. Сейчас почти полдень следующего дня.

Я провела в беспомощности почти сутки? Это было ненормально даже для обморока.

– Мне делали какие-то процедуры? – осторожно спросила я, оглядывая палату. Она была одноместной, с современным оборудованием и даже телевизором на стене – явно не стандартная палата городской больницы.

– Тебе ввели успокоительное, ты была очень возбуждена, когда пришла в себя вчера, – пояснила медсестра. – И да, взяли некоторые анализы. Стандартная процедура для беременных.

Что-то в ее интонации заставило меня насторожиться.

– Какие именно анализы?

Медсестра явно замаялась.

– Думаю, об этом лучше поговорить с доктором, – наконец сказала она. – Он как раз идет. Я позову его.

Она быстро вышла, а через минуту в палату вошел среднего возраста врач в белом халате, и внимательными глазами за стеклами очков.

– Здравствуйте, Майя, – он слегка улыбнулся. – Я доктор Савельев, заведующий отделением. Как вы себя чувствуете?

– Лучше, спасибо, – ответила я, внимательно наблюдая за ним. – Доктор, мне сказали, что брали какие-то анализы...

– Да, стандартные обследования, – он кивнул. – Ваша беременность протекает нормально, но есть легкая анемия, признаки истощения и переутомления. Вам нужно лучше питаться и избегать стрессов.

– Это все анализы? – я не сводила с него глаз.

Доктор вздохнул, сел на стул рядом с кроватью.

– Майя, я буду с вами откровенен. Вместе с вами приехал Ярослав Михайлович Воронцов. Он... попросил провести тест на отцовство.

У меня перехватило дыхание. Значит, вот что происходило, пока я была без сознания. Они взяли образец моей крови без моего согласия?

– Это незаконно, – мой голос дрожал от возмущения. – Вы не имели права проводить такие тесты без моего разрешения!

– Формально, разрешение было, – доктор выглядел смущенным. – Вы были в тяжелом состоянии, а господин Воронцов предоставил документы, подтверждающие, что он является вашим доверенным лицом в медицинских вопросах.

– Что? – я не верила своим ушам. – Это ложь! Я никогда ничего подобного не подписывала!

О господи. Готова спорить, что Ярослав таким образом просто демонстрирует свои неограниченные возможности! Запугивает меня, мерзавец.

Доктор развел руками.

– Майя, я понимаю ваше возмущение. Но Воронцовы – очень влиятельная семья. И речь идет о ребенке, который может быть их родственником. Они имеют право знать.

– А я имею право на личную жизнь и медицинскую тайну! – я почти кричала, ощущая, как меня трясёт от бешенства. – Этот тест... его результаты уже готовы?

– Да, – кивнул доктор. – Ребенок действительно от Антона Воронцова. Вероятность отцовства более 99.9%.

Господи, у них ведь даже оказался генетический материал Антона... Ну что за люди?

Несмотря на то, что я никогда не сомневалась в возможно результате, услышать подтверждение было странно.

– Ярослав Воронцов уже знает?

– Да, ему сообщили результаты сегодня утром, – подтвердил доктор. – Он сказал, что навестит вас позже.

– Я не хочу его видеть, – твердо сказала я. – И я хочу выписаться. Немедленно.

– Это не лучшая идея в вашем состоянии, – попытался возразить доктор. – Вам нужен покой и наблюдение.

– Я сама медик, – напомнила я. – И знаю свои права. Вы не можете удерживать меня здесь против моей воли.

Доктор Савельев еще раз вздохнул, но спорить не стал.

– Хорошо. Я подготовлю документы для выписки. Но обещайте, что будете следить за своим здоровьем. Вам нельзя нервничать, это может повредить ребенку.

Я кивнула, уже мысленно планируя, как доберусь до общежития. Нужно было позвонить Вике, попросить принести вещи. И как можно скорее покинуть эту клинику, где так легко нарушают все этические нормы ради денег и связей.

Через два часа, когда все формальности были улажены, я наконец оказалась на свободе. Благо, с меня не потребовали оплату за лечение, иначе пришлось бы закладывать почку.

Вика приехала со сменной одеждой и теперь мы вместе тряслись в маршрутке, по пути в общагу.

– Ты уверена, что тебе не стоило остаться в больнице? – беспокоилась она. – Все-таки обморок – это серьезно.

– Это был просто стресс, – отмахнулась я. – В больнице сказали, что со мной и с ребенком все в порядке. Просто нужно лучше питаться и избегать переживаний.

– Легко сказать, – хмыкнула Вика. – Особенно когда Воронцовы дышат тебе в затылок. Этот Ярослав тот еще тип, да?

– Высокомерный сноб, – согласилась я. – Уверен, что за деньги можно купить все, даже ребенка. Даже мою совесть. Сначала усомнился, что ребенок от Антона, а теперь, когда тест подтвердил отцовство, наверняка придумает что-то еще.

– Что ты собираешься делать? – спросила Вика.

– Буду жить своей жизнью, – пожимаю плечами, воображая, что могу просто сделать вид, словно семьи Воронцовых в моей реальности не существует. – Учиться, готовиться к

рождению малыша. Не собираюсь я плясать под дудку Воронцовых, даже если они самая богатая семья в городе.

Моя комната в общежитии казалась еще меньше и скромнее после роскошного особняка Воронцовых и современной больничной палаты. Но это был мой угол, мое пространство. Здесь я могла быть собой, не чувствуя на себе оценивающих взглядов.

Вика помогла мне отвлечься от тяжёлых дум и приготовила чай.

– Отдыхай, – сказала она, собираясь уходить. – Я вернусь только вечером, но принесу что-нибудь вкусненькое. Ты совсем отошала. Кожа просвечивается.

– Спасибо, – я благодарно улыбнулась. – Не знаю, что бы я без тебя делала.

Когда Вика ушла на пары, я легла на кровать, закрыла глаза и позволила себе немного поплакать. Все напряжение последних дней, шок от смерти Антона, ужасная встреча с его семьей, унижительные тесты... это всё было слишком. Я чувствовала себя маленькой и беззащитной перед мощью этих бездушных людей.

Не удивлюсь, если они ради богатства, продали души.

Но ради нашего с Антоном ребенка, я должна стать сильной, даже если вся моя выдержка – напускная.

Не знаю, сколько времени я пролежала, погруженная в свои мысли, когда в дверь постучали. Я решила, что это вернулась Вика, и крикнула, не вставая:

– Открыто!

Дверь отворилась, и на пороге возник Ярослав Воронцов собственной персоной.

Ярослав

Я стоял в коридоре общежития, морщась от запаха дешевой еды и хлорки, и ждал, когда мне откроют. Майя крикнула "открыто". Я вошел, невольно оглядывая тесное помещение.

Комната оказалась крошечной. Две узкие кровати, письменный стол, шкаф, старый холодильник, несколько полок с книгами и учебниками. Чистая, с новыми уродливыми обоями, но убогая. И в этих условиях она собиралась растить ребёнка? О чём она вообще думает!

Майя лежала на кровати, и когда увидела меня, резко села, глаза расширились от изумления и возмущения.

– Что вы здесь делаете? – воскликнула девушка, поспешно вытирая следы слез. – Как вы вообще нашли меня?

– Найти кого-то в этом городе не так сложно, если знаешь, где искать, – я прошел в комнату, не дожидаясь приглашения. – Сбежать из больницы было неразумно. Доктор Савельев говорил, что вам нужен покой.

– Я не сбежала, а выписалась, – отрезала Майя. – И чувствую себя прекрасно. Что вам нужно? Пришли убедиться, что я не придумала беременность? Анализы ведь уже подтвердили, что ребенок от Антона, не так ли? Или вам нужны еще какие-то доказательства?

Её голос дрожал от сдерживаемой ярости, и я заметил, как она положила руку на плоский живот защитным жестом. Это почему-то тронуло меня, хотя я быстро подавил это чувство.

– Да, тест подтвердил, что это ребенок Антона, – признал я. – И я пришел, чтобы предложить решение проблемы.

– Здесь нет никакой проблемы, – огрызнулась Майя. – У меня все под контролем.

Я окинул взглядом её жилище.

– Под контролем? – не скрыл скептицизма в своём голосе. – Доктор сообщил, что у тебя анемия и истощение. В этой конуре, где ванная и туалет в конце коридора? Где ты собираешься поставить детскую кроватку? На письменный стол или подоконник?

На её бледных щеках от гнева выступили красные пятна. Неожиданно поймал себя на мысли, что мне интересно изучать проявления её эмоций. Таких живых и выразительных.

– Я справлюсь. Не ваша забота.

– Это ребенок моего брата, – выдохнул, на мгновение прикрыв веки. – Значит, моя забота тоже. Именно поэтому я пришел с предложением.

Я достал из внутреннего кармана пиджака конверт и протянул ей.

– Здесь ключи от квартиры в центре города. Она принадлежит мне, но сейчас не используется. Три комнаты, вся необходимая мебель и техника. Ты можешь жить там до родов и некоторое время после. Тебе будет выделено ежеме-

сячное содержание на питание, одежду и медицинское обслуживание. Я выберу доктора, который будет наблюдать тебя до самых родов.

Майя уставилась на конверт, словно это была ядовитая змея.

– А взамен?

– Взамен... – я сделал паузу, тщательно подбирая слова. – Мы обсудим дальнейшую судьбу ребенка после его рождения. До тех пор ты поживешь в этой квартире, под наблюдением врачей. Это в интересах ребенка.

Майя прищурилась, мгновенно уловив недосказанность в моих словах.

– Что значит "обсудим дальнейшую судьбу"? – спросила она напряженно. – Мы уже все обсудили. Ребенок остается со мной.

– Майя, – я постарался, чтобы мой голос звучал рассудительно, – давай мыслить здраво. Сейчас главное – твое здоровье и здоровье ребенка. Время до родов ты проведешь в комфортных условиях, с лучшим медицинским обслуживанием. А потом... потом мы примем решение исходя из ситуации. И если ты проявишь разумность, то, конечно, получишь наиболее выгодные условия участия в жизни ребенка.

– Наиболее выгодные условия участия в жизни МОЕГО ребенка? – в её глазах вспыхнул гнев. – Вы все еще планируете забрать его! Ничего не изменилось!

– Я не прошу отдать ребенка прямо сейчас, – уточнил я. –

Мы говорим о будущем. О том, что лучше для ребенка в долгосрочной перспективе. Наша семья может дать ему все – лучшее образование, связи, возможности. То, чего ты, при всем уважении, дать не сможешь.

– А любовь? – тихо спросила Майя. – Её вы тоже предоставите в "полном объеме"? Или это будет воспитание гувернантками и частными школами?

Ее вопрос застал меня врасплох. Любовь? Какая к чёрту разница! И что она вообще знает о воспитании детей в таких семьях, как наша?

– Ребенку нужно гораздо больше, чем просто... эмоции, – сказал я. – Стабильность, возможности, деньги, положение в обществе. Всё это имеет значение.

Майя встала с кровати, подошла ко мне почти вплотную, пыхтя от негодования. Несмотря на то, что эта пигалица мне едва достаёт до плеча, упрямства в ней было килограмм на сто.

– Тест подтвердил, что это ребенок Антона, – повторил я. – Я хочу, чтобы с ним все было хорошо. А для этого нужно, чтобы и с тобой все было хорошо. По крайней мере, пока ты его носишь.

– Вы – само великодушие, – иронично заметила Майя, подмечая намёк, прозвучавший в последней фразе. – И что произойдет после того, как я рожу? Вы снова начнете настаивать на том, чтобы забрать ребенка? Или тихо закатаете меня в бетон на окраине города?

– Это будет зависеть от многих факторов, – подарил ей хищную улыбку. – От того, как сложатся наши отношения за эти месяцы. От того, насколько ты будешь готова к материнству.

– Я буду хорошей матерью, – сказала она тихо, но твердо. – Явно лучше, чем вы дядей.

Возвёл глаза к трещащей под потолком лампочке. Вот наглая девчонка!

– Я не требую от вас сейчас таких решений, – холодно ответил, с трудом удерживая эмоции под контролем. Кажется, она нашла ключик, как выводить меня из себя. – Главное, чтобы беременность проходила в нормальных условиях. А после рождения ребенка мы вернемся к этому разговору.

– То есть вы всё-таки планируете забрать моего ребенка, – сузив зелёные глазки, смотрела на меня Майя.

Вдох. Выдох.

– Я планирую обеспечить лучшие условия для ребенка моего брата. Все остальные детали будут обсуждаться позже. Сейчас важно, чтобы вы переехали из этого общежития в нормальное жильё.

Майя крепко сжала конверт с ключами, словно это была её единственная защита. Я наблюдал за тем, как в ней происходит внутренняя борьба. И мне хотелось бы узнать, что она ставит на чашу весов.

Деньги и наше состояние или долг и чувства к моему погибшему брату.

– Хорошо. Я согласна на... на ваше великодушное предложение, произносит с издёвкой. – Но вопрос о том, с кем останется ребенок, для меня не стоит. Он будет со мной.

Я не стал спорить. Пусть сейчас думает, что победила. Время на нашей стороне.

– Я пришлю людей помочь с переездом, – сказал я, направляясь к двери. – И, Майя...

Она подняла на меня вопросительный взгляд.

– Подумай о будущем. Не только своем, но и ребенка. Что ты сможешь ему дать, кроме... любви? – последнее слово я произнес с легкой иронией.

С этими словами я вышел, не дожидаясь её реакции. Уже на улице, садясь в машину, я задумался, что же заставило меня сделать это предложение, вместо того чтобы продолжать давление. Тест на отцовство подтвердил, что она не лгала насчет Антона. Но главное – мать подкинула верную мысль. С этой дерзкой девчонкой прямое давление не сработает. Нужен был другой подход.

"Дайте ей почувствовать безопасность и благополучие," – сказала родительница. – "Пусть привыкнет к хорошей жизни. Тогда будет легче договориться. И, в конце концов, очаруй её".

Я набрал номер матери.

– Она согласилась на квартиру, – сообщил я. – Переедет на этой неделе.

– Ты молодец, Ярослав, – голос матери звучал довольно. –

Я знала, что ты сможешь её убедить. Это первый шаг. Дальше будет легче.

– Она очень упряма насчет будущего ребенка, – заметил я. – Дала понять, что не собирается его отдавать.

– Время всё расставит по своим местам, – уверенно сказала мать. – Главное, что она будет под нашим присмотром. И ребенок тоже. За месяцы беременности у тебя будет возможность... повлиять на её решение.

Меня насторожила особая интонация, с которой мать произнесла "повлиять".

– Что ты имеешь в виду? – напрямую спросил я.

– Просто покажи ей, что в нашей семье ребенку будет лучше, – ответила мать. – У тебя есть свои методы убеждения, Ярослав. Используй их.

Я закончил разговор и задумался.

Майя была просто еще одной бизнес-задачей. Сложной, но решаемой. Если нужно будет проявить терпение – я проявлю. Если придется использовать финансовые рычаги – воспользуюсь. Если ситуация потребует запугивания или шантажа – я не побрезгую и этими методами. Я не заработал репутацию безжалостного бизнесмена, испытывая моральные терзания при достижении цели. Если нужно будет её соблазнить... что ж, я подумаю и над этим вариантом.

Девочки, не забывайте, пожалуйста, добавлять книгу в библиотеку и лайкать, если книга нравится))

Глава 4

Майя

Как только дверь за Воронцовым закрылась, я рухнула на кровать, бессильно суча в воздухе ногами. Внутри бушевал настоящий ураган эмоций: гнев, страх, обида, растерянность... и что-то опасное, похожее на неуместное восхищение.

Какой же он невыносимый! Я никогда в жизни не встречала никого настолько холодного и расчетливого. Настоящая рептилия. Хладнокровный и скользкий. Даже стоя в шаге от меня, он словно источал арктический холод. У него, наверное, в груди спрятана не душа, а морозильная камера. Про скудный диапазон эмоций я и вовсе молчу.

Кажется, она у него только одна – презрение. И все же что-то мелькнуло в глубине этих ледяных глаз, когда он говорил о ребенке. Что-то почти человеческое.

Я встала и, покусывая ноготь на большом пальце, нервно мерила шагами комнату, пытаюсь справиться с противоречивыми чувствами. Желудок снова предательски сжался от тошноты – моя верная спутница последних недель не отпускала меня даже в моменты стресса. Или усиливалась из-за него.

Он говорил о ребёнке, как о какой-то собственности, как о чем-то, что можно забрать, передать, отнять. Будто мой ре-

бёнок – это просто ветвь их семейного дерева, а не живой человек.

– Никогда, – прошептала я, машинально поглаживая плоский, даже впалый живот. – Никогда я не отдам тебя им. Обещаю.

Но внутренний голос предательски напоминал, что у меня не так много вариантов. Я стояла в крошечной комнате общежития, слыша, как за стенкой ругаются соседи, а из коридора доносится запах подгоревшей лапши быстрого приготовления. С работой в клинике скоро придется распрощаться – тяжелые смены с каждым днем становились все более невыносимыми, а токсикоз только усиливался. А ведь еще учеба, которую нельзя было бросать...

Конверт с ключами от квартиры мозолил на столе глаза.

Разумный выход был только один. И он меня пугал.

Оказаться под полным контролем Ярослава Воронцова. Чувствовать на себе его холодный, оценивающий взгляд. Знать, что за каждым моим движением наблюдают, каждое решение анализируют. Что он просто ждет момента, когда сможет забрать моего ребенка.

На миг перед глазами возник образ Антона – его улыбающееся лицо, теплота в глазах, когда он смотрел на меня, то, как он прижимал меня к себе, обещая, что все будет хорошо. "Моя мама немного поворчит, но в конце концов примет тебя," – шептал он. Как же он ошибался! И как мало мы знали друг друга. Всего полгода. А теперь мне приходится иметь

дело с его бездушным братом.

Я вздрогнула, вспомнив, как Ярослав нависал надо мной своей мощной фигурой. Его глаза, голубые, как зимнее небо, и такие же холодные. Его идеально сидящий костюм, запах нишевого парфюма, который мне раньше посчастливилось бы вдохнуть только в магазине косметики, падая в обморок от чудовищных ценников. Во всем его облике читалась сила и власть – качества, которыми он привык пользоваться, не задумываясь о чувствах тех, кого затапывал своей дизайнерской обувью.

И все же... все же каждый раз, когда я видела его, меня охватывали до безумия противоречивые чувства. Я знала, что необходимо держаться от него подальше, но что-то тянуло меня к нему. Хотела скрыться от его пронзительного взгляда, но не могла отвести глаз. Это было почти как магнетическое притяжение – пугающее, неправильное, опасное.

– Нет, нет, нет! – я яростно замотала головой, словно пытаясь вытрясти из нее эти мысли. – Прекрати сейчас же.

Это было предательством. Предательством памяти Антоны, предательством моей собственной гордости и здравого смысла, в конце концов! Я не могла – не имела права – испытывать что-то кроме неприязни к человеку, который фактически угрожал отнять у меня ребенка. Который относился ко мне как к... инкубатору, способному воспроизвести в себе часть генов высокомерных Воронцовых.

Дверь комнаты распахнулась, вырывая меня из дум, и на

пороге появилась Вика с тяжелой сумкой учебников.

– Ты не поверишь, какой зверь этот новый преподаватель по физиологии, – выпалила она, бросая сумку на свою кровать. – Задал столько, что... – она осеклась, заметив выражение моего лица. – Что случилось? Ты выглядишь так, будто тромбоциты на нуле.

– Хуже, – вздохнула я. – Ярослав Воронцов был здесь. Собственной персоной.

– И что было нужно этой ледышке? – Вика застыла на полпути к шкафу.

Я глубоко вздохнула и рассказала ей о предложении Ярослава. О квартире, содержании, медицинском обслуживании. И о его планах на ребенка.

– Так, погоди, – перебила меня Вика, присаживаясь рядом со мной на кровать. – Он предложил тебе квартиру и деньги, а ты еще думаешь? Майя, ты в своем уме? Конечно, соглашайся!

– Но ты не понимаешь, – возразила я. – Он не просто так это делает. Он хочет забрать ребенка.

– Много хочет – мало получит, – фыркнула Вика. – Послушай, сейчас важно, чтобы ты и малыш были в порядке. А в этой общаге, прости, но в таком темпе ты долго не протянешь. Особенно с твоей анемией. И так и сяк рискуешь потерять ребёнка.

– Я знаю, – устало соглашаюсь я. – Просто... я боюсь, что если приму их помощь, то уже не смогу вырваться. Они за-

тянут меня, опутают обязательствами...

– Так не давай себя опутать, – просто ответила Вика. – Ты же не глупая девочка, Майя. Ты сможешь постоять за себя. Пользуйся тем, что они предлагают, но держи границы. Ребенок – твой. Точка.

После разговора с Викторией я почувствовала себя немного увереннее. Она была права. Я не могла позволить гордости или страху помешать мне сделать то, что будет лучше для ребенка. А сейчас лучшим вариантом была эта квартира и медицинская помощь.

– И кстати, я не прочь иногда навещать тебя в этой шикарной хате. Будем устраивать девичники вдали от коменданта и соседей!

Её энтузиазм был заразительным. Возможно, всё действительно будет не так плохо, как я опасалась.

Глава 5

На следующий день, ровно в десять утра, в дверь постучали. Я открыла, ожидая увидеть грузчиков, которых обещал прислать Ярослав. Но вместо них на пороге стоял пожилой, солидного вида мужчина с портфелем.

– Леонид Аркадьевич Мельников, – представился он, протягивая сухопарую руку. – Юрист семьи Воронцовых. Могу я войти?

Растерянно пожала, пропуская внутрь.

Воронцов всё же делец до мозга костей! Без подписанного договора никаких грузчиков и переезда не будет.

– Ярослав Михайлович поручил мне подготовить все необходимые документы, – сказал юрист, доставая из портфеля папки. – Здесь договор о предоставлении вам квартиры на время беременности и первых месяцев после родов, соглашение о финансовом обеспечении и медицинском обслуживании, а также...

Бегло увидев суммы, которые предполагалось на меня потратить, сделалось дурно.

– Такая щедрая помощь предполагает какие-то обязательства с моей стороны? – уточняю, ожидая подвоха.

– В документах, разумеется, прописаны ваши обязательства, – сказал он с легким кивком. – В частности, в случае нарушения условий договора вы обязуетесь выплатить

неустойку в размере всех понесенных Ярославом Михайловичем расходов на ваше содержание, медицинское обслуживание и проживание.

Мои брови взлетают вверх.

– Что означает "нарушение условий"?

– Например, если откажетесь от предложенного медицинского наблюдения. Или воспрепятствуете участию Ярослава Михайловича в принятии решений, касающихся ребенка.

Ах ты ж чёрт рогатый, Воронцов!

– Покажите, – забираю бумаги не дожидаясь, пока юрист сам их протянет.

Следующий час я провела, вникая в текст договора. Ну ничерта же не ясно. Хуже почерка врача на рецепте, честное слово. Что за птичий язык? Будто специально создан, чтобы люди платили юристам за перевод на человеческий. С каждой новой страницей мое лицо всё больше вытягивалось, а руки начинали дрожать от нарастающего гнева.

Сути документа я до конца не уловила, но чутьё провинциальной девчонки подсказывало мне, что там не пункты, а ловушки.

– Что это? – я подняла глаза на юриста, мой голос дрожал от возмущения. – Вы серьезно рассчитывали, что я подпишу это недоразумение?

Леонид Аркадьевич, к моему сожалению, сохранял олимпийское спокойствие. А мне до боли хотелось на кого-то выплеснуть свой гнев.

– Это стандартный договор, – сказал он. – Семья Воронцовых несёт значительные траты. Вполне естественно, что они хотят гарантий выполнения и ваших обязательств.

– Гарантий? – завелась я, как старые Жигули. – Здесь нет никаких гарантий! Только размытые формулировки, которые можно трактовать как угодно! Я могу оказаться должна миллионы просто потому, что Ярослав Михайлович решит, что я "недостаточно учла его мнение"!

Юрист смотрел на меня растерянно и моргал. Будто его убедили, что я дурочка, которая с трудом выучила азбуку, а потому подпишу не глядя.

– Меня не устраивает весь этот документ! – я вскочила на ноги, сжимая бумаги до боли в пальцах.

В этот момент в дверь постучали, и, не дожидаясь ответа, вошел Ярослав. Высокий, холодный, в безупречном костюме, с выражением легкого недовольства на лице.

– Я слышал голоса, – сказал он. – Какие-то проблемы, пчёлка Майя?

Что-то внутри меня сломалось. Я даже пропустила мимо ушей прозвище, преследовавшее меня всё детство.

Всё напряжение, весь страх и гнев последних дней вырвались наружу. Я схватила стопку документов и со всей силы швырнула их Ярославу в лицо.

– Проблемы? – мой голос сорвался на крик. – Да, есть проблемы, господин Холодильник! Это! Вы принимаете меня за идиотку? – я наблюдала, как листы разлетаются, как конфет-

ти, опадая у ног бизнесмена.

Его глаза мгновенно потемнели от ярости.

Челюсти сжались, желваки заиграли на скулах. В его взгляде я прочитала все, что он думал в этот момент, как будто это было написано крупными буквами: "Как смеет эта нищая девчонка в поношенных тряпках, которой мы предлагаем помощь, так себя вести?"

Но я даже не успела уловить момент, когда его привлекательное лицо вновь превратилось в непроницаемую маску. Хотя в голубых глазах все еще полыхал холодный огонь.

– Леонид Аркадьевич, – спокойно сказал он, не отводя от меня взгляда. – Будьте добры, оставьте нас.

Юрист поспешно собрал свой портфель и, коротко кивнув, вышел из комнаты, едва ли не пятась. Словно опасаясь меня, как мифической фурии. Я осталась один на один с Ярославом, все еще дрожа от ярости.

– Это была проверка, – сказал он после долгой паузы, наклоняясь, чтобы подобрать один из листов.

Его голос внезапно изменился – стал ниже, мягче, обволакивая меня, как сахарная глазурь. В нем появились вкрадчивые, убеждающие нотки, словно он был восточным заклинателем змей, пытающимся усыпить мою бдительность своей мелодией. Его взгляд заметно потеплел, в глазах появилась почти искренняя заинтересованность.

– Я хотел увидеть, насколько внимательно вы читаете документы. Насколько серьезно относитесь к судьбе ребенка, –

продолжил он тем же гипнотическим тоном.

Я была настолько возмущена этой ложью, что невольно открыла рот. Неужели кто-то на эти сладкие речи клюёт?

– Что? – я не скрывала своего презрения. – Это не проверка, это... Да вы просто издеваетесь надо мной, проверяя, можно ли вытирать об меня ноги или нет!

– Если бы вы подписали, – голос Ярослава был ровным, без тени эмоций, – это показало бы, что вы недостаточно заботитесь о ребенке. Что вам важнее комфорт и деньги, чем его будущее.

Я смотрела на него в полном недоумении. Он серьезно пытается выдать свою подлость за какой-то благородный тест?

– Выметайтесь, – тихо сказала я, указывая на дверь. – Вы и ваши... проверки. Я не игрушка для ваших манипуляций.

– Майя, – он сделал шаг ко мне, его голос стал немного мягче. – Я понимаю ваш гнев. Но поймите и вы: ребенок Антона – это все, что у нас осталось от него. Я должен быть уверен, что вы действительно заботитесь о малыше, а не о наших деньгах.

– Я не доказываю вам ничего, – выплюнула я. – Это мой ребенок. Мой. И я буду защищать его от всех, включая вас и вашу семью, если потребуется.

Ярослав внимательно смотрел на меня, и на его лице мелькнуло так тщательно сдерживаемое раздражение. Несколько мгновений я буквально наблюдала его внутреннюю борьбу. Словно он был готов силой заставить меня под-

писать документы, макнув носом в договор.

– Давайте обойдёмся без бумажек. Чуть позже к вам придут грузчики, помочь собрать вещи, – он вновь мазнул взглядом по комнате, словно оценивая, стоит ли отсюда что-то забирать в его дом или эту комнатку лучше сжечь со всем содержимым. – Берите только близкие сердцу вещи. Всем остальным я вас обеспечу.

– А что после родов? – кровь в висках буквально пульсировала от напряжения.

– Решим после родов, – его голос звучал обманчиво спокойно. – Когда ребенок появится на свет, мы сможем более детально обсудить условия его воспитания. Сейчас важнее обеспечить вам комфортные условия и наблюдение врачей.

Он говорил так, будто его цель – забота обо мне и здоровье ребенка. Но кожей ощущала, что он так просто не отступится.

– Хорошо, – сказала я наконец. – Но никаких скрытых пунктов и подводных камней. Я хочу, чтобы все было предельно ясно.

– Разумеется, – Ярослав слегка склонил голову.

Телефон Ярослава зазвонил, он достал его из кармана, глянул на экран и нахмурился.

– Мне нужно ответить, – сказал он. – Я свяжусь с вами позже насчет новых документов.

Когда он вышел, я бессильно опустилась на кровать. Адреналин схлынул, оставив после себя опустошение и легкую

дрожь в руках. Что это было сейчас? Действительно ли Ярослав Воронцов проводил какую-то извращенную проверку? Или просто выкручивался, когда его поймали на откровенном обмане?

И почему, несмотря на всю мою ярость, когда он стоял так близко, я не могла не замечать, как безупречно сидит на нем костюм, как притягивает взгляд жесткая линия его подбородка, какой глубокий у него голос... Что со мной не так? Неужели на меня так действуют гормоны?

После ухода юриста я почувствовала странную смесь триумфа и тревоги. Я не поддавалась на их уловки. Но что теперь? Что, если Ярослав в итоге откажется от сделки? Смогу ли я сама справиться со всем?

Воронцов не соврал. Буквально спустя пятнадцать минут после его ухода приехали грузчики и помогли собрать мои пожитки. Я не вняла наставлениям Воронцова и забрала все вещи, зная, что иначе их просто выбросят. Наглотать и покушать шмотки на его деньги я не планировала.

Я оглядела опустевшую комнату в общежитии, где прожила последние два года. Маленькая, тесная, но моя. И я никому не была ничего должна. А сейчас, кажется, по уши в обязательствах перед Воронцовыми. И в первую очередь от него.

Ярослав Воронцов.

Даже мысленно произнося его имя, я ощущала странную смесь эмоций. Этот человек был словно фабрика по произ-

водству льда – холодный, расчетливый, безжалостный. В любой другой ситуации такой мужчина никогда бы не появился в моей жизни. Он существовал в иной реальности, параллельной с моей. В мире дорогих костюмов, роскошных автомобилей, деловых сделок на миллиарды и безукоризненно красивых женщин. Он даже не посмотрел бы в мою сторону, не заметил бы моего существования, если бы не ребенок.

И всё же... всё же я не могла отрицать, что в его ледяной красоте было что-то притягательное. Что-то, что заставляло меня замирать, когда он входил в комнату.

Нет. Я резко оборвала эти опасные мысли.

Ребенок. Только ребенок имел значение. И ради него я готова была терпеть холодный взгляд Ярослава, его контроль, его присутствие в моей жизни.

Ярослав

Я положил телефон и откинулся в кресле, задумчиво глядя в окно своего кабинета. Эта девушка не переставала меня удивлять. Большинство людей её социального уровня подписали бы документы, не глядя, когда на кону стояли такие деньги и комфорт.

Но Майя оказалась умнее, чем я предполагал. И упрямее. Не прогнулась под давлением, не соблазнилась перспективами лёгкой жизни. Стояла на своём до конца.

Что ж, маленькая тактическая уступка сейчас не меняла общей стратегии. Я всё равно получу то, что хочу. Просто придётся действовать более... тонко.

Мать жаждала услышать, чем закончились наши с Майей переговоры. Вкратце обрисовал ей всё произошедшее в общаге. На том конце провода повисло молчание.

– Ярослав, – мать помедлила. – Ты же помнишь, что конечная цель – полная опека над ребёнком? Я не хочу, чтобы мой внук воспитывался какой-то... вонючей провинциалкой.

Ну, насчёт вонючей я бы поспорил. Пахло от Майи восхитительно. Персиками, ирисками и немного мёдом. Что не удивительно. Она же пчёлка Майя. Я до сих пор ощущал этот аромат. Его даже не перебивало сомнительное амбре той общаги, где она обитала.

– Я помню, – терпеливо ответил я. – И я добьюсь этого. Просто не сразу. Нужно время.

После разговора с матерью я снова задумался о Майе. Когда она смотрела на меня своими зелёными глазами, полными решимости, я испытывал странное чувство – смесь раздражения и удовольствия.

Она красива, правда, не той красотой, которую я ожидал обнаружить у избранницы младшего брата.

Ничего искусственного и лишнего.

Ни раздутых губ и огромных сисек, вылезających из топи-ков. Именно таких девушек раньше приводил в дом Антон, чтобы позлить мать. У них на лицах было написано, что они жаждут побыстрее отбить вложения в свой тюнинг через постель золотого мальчика.

Пчёлка Майя очевидно была на порядок умнее этих девиц и рассчитывала на долгую перспективу с моим наивным не по годам братом. Даже я не сумел найти в себе сил отвести от неё глаза, особенно когда она начала злиться.

Румянец на бледных щеках, сверкающие глаза, решительно сжатые губы...

Мне решительно хотелось проветрить голову, чтобы выбросить её образ из своих мыслей.

Что за нелепость? Майя не была объектом моего личного интереса. Она была матерью ребёнка Антона, не более того. Средством для достижения цели.

И всё же, вспоминая наш разговор в общежитии, я не мог не думать о том, как она дерзко вздёрнула подбородок, отстаивая свою позицию. Как смело встретила мой взгляд, не испугавшись. Такое поведение было редкостью даже у мужчин в моём окружении, где большинство людей либо заискивали, либо пытались манипулировать.

Она могла бы даже зародить во мне зерно сомнения. Опутать теми же чарами, что сработали на Тоше. Но... Будь она действительно честной девушкой, крутилась бы в своих кругах, а не метила в суженые золотых парней, как мой брат.

Я решительно отбросил эти размышления и вернулся к работе. У меня не было времени на пустые фантазии. Ребёнок Антона – вот единственное, что имело значение.

А Майя была лишь временным фактором в этом уравнении, который я обязательно исключу. Через несколько меся-

цев, когда ребёнок родится, мы найдём способ оставить его в семье. А она вернётся к своей обычной жизни. С щедрой компенсацией, разумеется. Я даже не стану сбивать «цену», когда она сдастся. Девчонка заслужила вознаграждение.

Мой телефон зазвонил снова. На экране высветилось имя Вероники. Вот что мне действительно нужно – напоминание о реальности, о моей жизни, которая существовала задолго до появления зеленоглазой упрямицы.

– Ярослав, милый, – промурлыкала Вероника, когда я ответил. – Ты не забыл о нашем ужине сегодня?

– Разумеется, нет, – ответил я, глядя на циферблат Ролексов. – Я заеду за тобой в восемь.

– Чудесно. Я уже соскучилась, – в её голосе звучала отретированная нежность. – До вечера.

Я отключился и невольно улыбнулся. Вероника Савицкая – вот кто был моей ровней. Успешная, красивая, из обеспеченной семьи. В прошлом – модель, сейчас – владелица сети бутиков элитной одежды. Идеальная невеста.

Мы встречались уже больше года. Спокойные, размеренные отношения без лишних драм и эмоциональных всплесков. Она никогда не устраивала скандалов, не требовала лишнего внимания, не нарушала мой комфорт. Знала своё место и границы допустимого. Идеальная партия для такого человека, как я.

Я вспомнил её безупречное лицо с точёными чертами, длинные каштановые волосы, всегда уложенные волосок к

волоску, стройную фигуру, которую она поддерживала ежедневными тренировками и строгой диетой. Вероника всегда выглядела так, словно только что сошла с обложки глянцевого журнала.

Все говорили, что мы идеально смотримся вместе. Две части одного целого – успешный бизнесмен и бывшая модель, оба из состоятельных семей с безупречной репутацией. Наши отношения были... удобными. Комфортными. Логичными.

Я поймал себя на мысли, что не могу вспомнить, когда в последний раз испытывал с ней те эмоции, которые вызвала во мне Майя всего за несколько минут перепалки в общении. Раздражение, гнев, любопытство – всё это было живым, настоящим. С Вероникой же я не чувствовал почти ничего.

Секс с ней был... технически безупречным. Мы подходили с ней физически. Ника даже владела фокусами горлового минета и не возражала против нестандартных видов соития. Хотя я никогда не дурел от её запаха, не дрожал от желания, не сходил с ума от потребности её коснуться.

Просто... удовлетворял физическую потребность.

Но, возможно, именно в этом и заключалось преимущество таких отношений. Никаких сюрпризов, никакого беспорядка, никаких неконтролируемых эмоций. Всё предсказуемо и удобно.

Я снова взглянул на часы. До ужина оставалось ещё несколько часов, которые я мог посвятить работе. Открыл

ноутбук, стараясь сосредоточиться на цифрах и графиках перед глазами, но мысли упорно возвращались к тому, как яростно сверкали зелёные глаза Майи, когда она швырнула документы мне в лицо.

«Чёрт возьми», – пробормотал я, потирая переносицу. Нужно было срочно выбросить эту девчонку из головы. Ведь это была всего лишь небольшая заминка в моём плане, не более того. Я привык добиваться поставленных целей, и эта ситуация не станет исключением.

Через пару месяцев, когда Майя обживётся в новой квартире, привыкнет к комфорту и заботе, она станет более сговорчивой.

А пока – ужин с Вероникой, деловые встречи, обычная жизнь. Жизнь, в которой нет места для дерзкой студентки с глазами цвета весенней листвы и непокорным характером.

Я сделал глубокий вдох и решительно переключил внимание на рабочие документы. Майя подождёт. В конце концов, она никуда не денется – теперь она зависит от меня. А я привык ждать, когда это нужно для достижения цели.

Глава 6

Майя

– Вот ты и уезжаешь, – Вика стояла, прислонившись к дверному косяку, с грустной улыбкой смотря на мою опустевшую кровать и уголок, где я недавно хранила любимые книги.

– Будешь жить теперь, как настоящая принцесса.

– Да какая из меня принцесса, – я нервно рассмеялась, оглядывая комнату, внезапно ставшую просторнее без моих вещей. – Просто временно меняю жильё. И то, не по своей воле.

– Воронцов все-таки умеет убеждать, – кивнула Вика. – Он всегда такой... напористый?

Я невольно вспомнила наш последний разговор с Холодильником в этой самой комнате, его ледяные глаза, в которых на мгновение промелькнуло что-то почти человеческое. Должно быть показалось. У него в груди вместо сердца лёд, а в голове вычислительный аппарат.

– Да, он привык, чтобы всё было по его, – киваю, допивая приготовленный Викой чай на дорожку.

– Отчего же ты тогда выглядишь, как агнец, которого ведут на заклание? – замечает моя внимательная подруга.

Пожимаю плечами.

– Я боюсь его. Боюсь, что он обхитрит меня, обведёт во-

круг пальца и заберёт моего ребёнка, стоит мне немного отпустить контроль.

Вика обняла меня за плечи:

– Май, ты будущая мать и врач. А ещё самая умная девчонка в потоке. Не ведись на его сладкие речи и красивую физиономию, и будет тебе счастье. Выноси здорового ребёнка в их доме, получи лучшую медицинскую помощь, и учись, чтобы иметь возможность самой его обеспечивать. Это всё что от тебя требуется.

Подруга кажется такой убедительной, что от её слов во мне будто произошла подзарядка, а натянутая от напряжения струна немного расслабилась.

– Ты права, – обнимаю Вику, радуясь, что жизнь сталкивает меня не только с такими людьми, как Холодильник.

– Поживешь как богачка, а потом вернешься к нам, простым смертным, – произнесла она со смешком, выпуская меня из объятий.

Я улыбнулась, благодарная за ее попытку поднять мне настроение.

– Обещаю приглашать тебя в гости. Я в кино видела, что в таких элитных домах всегда есть ванны с гидромассажем.

– Вот это другой разговор! – рассмеялась Вика. – А то я уже думала, ты больше не согласишься водиться с такими простыми смертными, как я.

– Размечталась!

Телефон в моей сумке завибрировал. Я взглянула на

экран и замерла – сообщение от Ярослава: "Я внизу. Жду вас."

– Что там? – спросила Вика, заметив мое напряжение.

– Ярослав приехал, – я нервно сглотнула. – Сам. Лично.

– Воронцов? – Вика приподняла брови. – Вот это сервис!

Личное сопровождение от главы империи.

Я бросила на неё предупреждающий взгляд, но Вика только усмехнулась:

– Ладно-ладно, я знаю, что у вас сложные отношения. Но согласись, это впечатляет – он сам приехал за тобой.

У выхода из общежития действительно стоял Ярослав, опираясь на капот своего чёрного "Мерседеса". Выглядел он безупречно, как всегда – в тёмно-синем костюме, белоснежной рубашке, с аккуратно уложенными волосами. Солнечные лучи играли в его темных волосах, а глаза скрывались за зеркальными стёклами дизайнерских очков.

Он выглядел точь-в-точь как голливудская звезда, прибывшая на светское мероприятие, а не как бизнесмен, приехавший забрать беременную студентку из общежития.

Его появление не осталось незамеченным – из окон общежития высовывались любопытные девичьи моськи. Кто-то даже не стеснялся фотографировать на телефон высокую фигуру Ярослава на фоне роскошного автомобиля. Я слышала восхищенный шепот и смешки, доносившиеся с верхних этажей. Еще бы – появление такого красавца на дорожке у нашего скромного общежития было событием года.

– Твой Воронцов произвел фурор, – шепнула Вика, с трудом сдерживая смех. – Завтра все будут спрашивать, кто он и почему приезжал за тобой.

Я почувствовала, как краска заливает мои щеки. Только огласки моей ситуации мне и не хватало.

– Он не мой, – я обняла Вику, недовольно бурча. – Позволю вечером.

Я направилась к машине, чувствуя десятки взглядов, буравящих мою спину. Ярослав встретил меня улыбкой, которую я раньше не видела – более мягкой. Но она пугала пуще его уже ставшим привычным холода. Открыл передо мной пассажирскую дверь и, сняв очки одним плавным движением, задержал на мне взгляд чуть дольше необходимого, затем обошел автомобиль и занял место водителя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.